

УДК 316.25

Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям*

К. В. Ткаченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Ткаченко К. В. Перформативный активизм или перформативность активизма: от концептуализации к исследованиям // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2024. Т. 17. Вып. 2. С. 141–158. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.202>

Если современные теории перформативности стремятся дать объяснение тому, как исполняется (производится) реальность, учитывая в своем рассмотрении смыслы, людей и различные материальные объекты, то социальный активизм — это явление, которое хорошо демонстрирует основную интенцию перформативности — совместное исполнение и преобразование реальности (через решение социальных проблем). Чтобы узнать, как изучается социальный активизм при помощи теорий перформативности, мы направили исследовательское внимание внутрь данного предметного поля, где был обнаружен парадокс в смысловом соотношении дефиниций «перформативный активизм» и «перформативность активизма». Если термин «перформативный активизм» обретает свое смысловое содержание через акцент на оппозиции между словами (постами) и реальными действиями по решению социальных проблем, то сами теории перформативности получили развитие как раз на основе снятия оппозиции между словами и действиями. Обнаруженный парадокс использования термина «перформативность» позволил сформулировать проблему исследования как наличие неопределенности относительно особенностей концептуализации перформативного измерения социального активизма. Поэтому целью работы стал обзор литературы, направленный на выяснение того, как современные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы научных теорий перформативности, а не на медийное понимание этого термина. На основе анализа отобранных статей ($N = 13$) были выделены следующие темы: перформативность активизма и борьба с угнетением; активизм и методология перформативности Джудит Батлер; перформативность цифрового активизма; теоретизирование о перформативности активизма. Сделан вывод о том, что указанные темы характеризуются использованием лево-прогрессивных теорий, низким вниманием к тому, как именно активисты производят новую реальность, решая социальные проблемы (зачастую исследователи приписывают им априорные позиции), а также слабым использованием эмпирических данных, что открывает перспективы для проведения более строгих социологических исследований перформативности социального активизма.

* Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ) по проекту № 22-18-00261 «Социальный активизм здоровья в условиях новых эпидемических рисков: дискурсы, стратегии, агенты».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2024

Ключевые слова: перформативный поворот, перформативность, социальный активизм, активизм в сфере здоровья, Джудит Батлер, цифровой активизм.

Введение

Перформативный поворот актуализирует в социогуманитарных науках новые способы изучения социальных явлений [1; 2]. Основная интенция теорий перформативности заключается в концептуализации реальности как со-исполняющегося процесса, в котором участвуют акторы самого разного толка [1, с. 230]. Иными словами, теории перформативности объясняют, как производится (исполняется) социальная реальность в процессе взаимодействия смыслов, людей и материальных объектов. Концептуализации перформативности используются в различных областях социологического знания: от объектно-ориентированной [3] до гендерной социологии [4]. Областью социальных наук, в которой может быть реализован концептуальный потенциал теорий перформативности, являются исследования социального активизма как явления, которое воплощает основную интенцию перформативности — совместное исполнение и преобразование реальности. Социальный активизм будет пониматься нами как «добровольная, инициативная, целенаправленная деятельность индивидов и ориентированная на социальные преобразования, участие в решении социальных проблем» [5].

Начав разработку темы перформативности активизма, мы обнаружили парадокс использования термина «перформативность»: исследователи концентрируются не только и не столько на перформативности активизма, то есть на том, как активисты производят новую реальность, участвуя в решении различных социально значимых проблем, но на теме так называемого «перформативного активизма» [6–10].

Перформативный активизм — это термин с негативной коннотацией, маркирующий поверхностный медийный активизм, не сопряженный с реальными действиями по решению социальных проблем [8, р. 83]. К примеру, работа автора из США под названием «Что такое перформативный активизм?» осмысляет определение, которое с 2020 г. закрепилось в западном медийном дискурсе, а после этого начало рассматриваться исследователями как самостоятельное явление. После резонансных событий, связанных с гибелью Джорджа Флойда¹, за термином «перформативный активизм» плотно закрепляется «обвинение, описывающее поверхностные, неэффективные или неискренние попытки вскочить на антирасистскую подножку, главным образом <...> чтобы продвигать и укреплять свой личный или корпоративный прогрессирующий авторитет» [8, р. 83]. Общественное понимание перформативного активизма сводится к восприятию его в качестве критического ярлыка, «который применяется к случаям поверхностной или корыстной поддержки целей социальной справедливости <...> [Это] обвинение основано на различии между тем, что говорят предполагаемые сторонники, и тем, что они на самом деле» [8, р. 83]. По сути своей перформативный активизм обозначает такой его тип, который использует репосты и значимые общественные лозунги, благодаря которым агенты включаются в информационную повестку как обеспокоенное

¹ *Беляев Д.* Убийство или передозировка? Как проходил процесс по делу Джорджа Флойда // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11135621> (дата обращения: 12.01.2024).

и «благоразумное» лицо, занимающее наиболее социально одобряемую позицию, но при этом ничего не делающее для реального продвижения тех же самых лозунгов и сопряженных с ними ценностей иными способами. Перформативный активизм создает из слов и картинок перформанс, представление, не стремясь при этом перейти к реальным действиям. Вслед за автором предположим, что изучение феномена перформативного активизма необходимо перенести в поле анализа риторики, которая скрывается за обвинениями в перформативном активизме: «... является ли это осуждением <...> или требованием большего, лучших или других формы политического исполнения?» [8, р. 85]. Возможно, к термину «перформативный активизм» следует относиться как к поиску новых форм политического участия в условиях девальвации онлайн-форм активности, учитывая, что он возник в контексте активизма, действующего через социальные сети.

Так, группа исследователей из Индонезии исследует феномен перформативного активизма в контексте изменений, продиктованных цифровым обществом [7]. Проблема исследования концентрируется на двух определениях перформативного активизма. С одной стороны, перформативный активизм — это форма борьбы, ориентированная на результативность, получающая все большее распространение благодаря учащающемуся использованию социальных сетей в выражении мнения касательно насущных социальных проблем. Такой активизм находит свое выражение в создании репостов в социальных сетях в поддержку того или иного движения либо в освещении значимых социальных проблем. Социальные сети значительно упростили диапазон участия общества в политических дискуссиях. Перформативный активизм — это то, что «на самом деле делается уже не для борьбы за права и чаяния людей, а просто для личного удовлетворения» [7]. Такое удовлетворение достигается путем публичного отклика, поста поддержки. Таким образом размываются классические представления о цели политической демонстрации с ее ярко выраженным акцентом на социальные преобразования путем донесения важных интенций до власти. Используя качественные методы, чтобы узнать отношение миллениалов к феномену перформативного активизма, авторы приходят к выводу, что, несмотря на негативный ярлык, он не лишен характера борьбы за права общества через социальные сети, имеет высокий коэффициент эффективности и может привести к позитивным эффектам при решении социально значимых проблем.

Описанный парадокс демонстрирует, что понимание перформативного активизма находится в противоречии с основными социологическими концептуализациями перформативности, ибо каждый активизм по-своему является перформативным, то есть настроенным на преобразование реальности. Если термин «перформативный активизм» обретает свое смысловое содержание через оппозицию между словами (постами) и реальными действиями, направленными на решение социальных проблем, то сами теории перформативности получили свое развитие как раз на основе снятия оппозиции между словами и действиями [11]. Обнаруженный парадокс использования термина «перформативность» позволил сформулировать проблему исследования: неопределенность относительно особенностей концептуализации перформативного измерения социального активизма. Целью работы стал обзор литературы, направленный на прояснение того, как современные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы теорий перформативности.

Методология исследования

Для достижения поставленной цели мы обратились к такому жанру обзорного исследования научной литературы, как обзор предметного поля (scoping review (ScR)). Исследования, использующие ScR-методологию, «базируются на систематическом поиске литературы по изучаемым темам с целью выявления ключевых концепций, теорий, источников доказательств, а также пробелов в научных знаниях и проводимых исследованиях <...> Для выполнения таких проектов были заимствованы и адаптированы методы и техники других видов исследований, в том числе систематических обзоров (systematic review), традиционных описательных литературных обзоров (narrative review), а также качественных (натуралистических) исследований (qualitative research)» [12, с. 211].

ScR-исследования находятся на стыке различных типов систематических обзоров, однако их основное отличие заключается в мета-характере результатов обзора, предполагающих тематизацию полученных результатов и формулирование выводов о состоянии предметного поля и его потенциальном развитии. Само слово «систематический» в контексте метода составления обзора научной литературы означает, что обзор будет осуществляться по «определенным эксплицированным правилам, которые приводят к получению воспроизводимого результата» [13, с. 9]. Мы будем следовать методологической схеме реализации качественного отбора источников, представленной в работе С. Моисеева и Д. Мальцевой [13, с. 14], предполагающей:

- 1) предварительный поиск;
- 2) формулировку ключевых слов для поиска;
- 3) поиск источников в выбранных базах данных;
- 4) отбор источников;
- 5) анализ цитирования.

Наша первоначальная задача заключалась в том, чтобы найти социологические исследования, релевантные теме перформативности активизма. По этой теме мы начали поиск статей в доступных нам базах: Google Scholar, а также по электронным ресурсам, доступным в Библиотеке им. Горького СПбГУ², в которые входит достаточно широкий круг мировых и отечественных социологических журналов. Поиск производился по ключевому словосочетанию «перформативность активизма» и связанным с ним терминам: «перформативность», «перформативный», «перформанс», «активизм», «перформативный, активизм» и аналогичные слова и словосочетания на английском языке. Интересовала вся литература, поэтому мы обозначили самые широкие критерии включения научных работ: статьи, книги, главы из книг, каталоги. В качестве критериев исключения выступили два следующих параметра. Во-первых, публикации должны осмыслять активизм через призму перформативности, во-вторых, мы должны были иметь возможность получить доступ к текстам работ. Было найдено 40 статей. Однако после фильтрации литературы при помощи критериев исключения выборка составила 12 публикаций.

² Полный перечень доступных баз находится на сайте Библиотеки им. Горького СПбГУ в разделе «социология»: Электронные ресурсы: социология // Санкт-Петербургский государственный университет; Научная библиотека им. М. Горького: [сайт]. URL: <http://cufts.library.spbu.ru/CRDB/SPBGU/browse?subject=4> (дата обращения: 11.10.2023).

Одна работа была найдена путем анализа списков литературы из уже отобранных работ. В итоговую выборку попало 13 работ. Алгоритм поиска выглядел следующим образом:

1. Поиск работ в доступных базах.
2. Составление списка публикаций, рассматриваемых на предмет возможного включения ($N = 40$).
3. Отсев публикаций по критериям исключения ($N = 28$).
4. Выявление дополнительных ссылок ручным поиском из найденных статей ($N = 1$).
5. Итоговая выборка составила 13 работ.

Структура обзора и темы публикаций

Найденные работы были сгруппированы по темам с опорой на ракурс, с которого представлено рассмотрение перформативности активизма в разных работах. В итоге получились три темы: перформативность активизма и борьба с угнетением (6 работ), в которую входит подтема: активизм и методология перформативности Джудит Батлер (J. Butler) (3 работы); перформативность активизма в цифровую эпоху (3 работы); теоретизирование о перформативности активизма (4 работы).

Перформативность активизма и борьба с угнетением

В эту тему попали статьи, вскрывающие при помощи методологии перформативности различные формы угнетения и дискурсов власти, обнаруживающиеся в самых разных сферах человеческой жизни: от телесности до культурной идентичности.

Статья, посвященная перформативной автоэтнографии или автоэтнографическому перформансу [14], рассматривает историю болезни как перформанс, в котором разворачивается индивидуальное взаимодействие пациента с врачом и с медицинским властным дискурсом. Теория перформанса в данном случае помогает создать пространство для этнографии активизма частной и публичной жизни. В качестве методологической базы используется теория этнографического описания Нормана Дензина (N. Denzin) [15], концепция тела без органов Жюлья Делёза (G. Deleuze) и Феликса Гваттари (F. Guattari) [16]. Исследователь рассматривает практики, которые помогают пациенту пережить стрессовые ситуации, вызванные проблемами со здоровьем и усиленные взаимодействием с властным медицинским дискурсом.

Работа о перформативности активизма в сфере гендерных и сексуальных отношений в современной Африке постулирует важность разрушения властных патриархальных и расистских норм путем исполнения различных культурных перформансов внутри систем высшего образования современной Африки для того, чтобы создать пространство рефлексии и выступить против старых колониальных бинарных категорий [6, p. 428].

Статья исследовательницы из Бельгии посвящена изучению практик активистов в сфере здоровья, оспаривающих общепринятые представления о полных людях [17], опираясь на понимание идентичности как результата систематического

воспроизводства различных культурных структур и практик. При помощи перформативных практик полные активисты стремятся низвергнуть господствующий дискурс об ожирении. Полнота трактуется автором как перформанс, то есть как социальный медикализованный конструкт и как перформативный акт, когда идентичность полного человека может быть переосмыслена и переопределена, чтобы противостоять властному дискурсу об ожирении [17, р. 48]. Используя понятие перформативности в связке с идентичностью и перформативными актами, исследователь постулирует первостепенную роль перформанса «в процессе становления субъекта, поскольку он раскрывает контингентные структуры и динамику власти, скрытые посредством дискурсов, производящих тела и идентичности» [17, р. 48]. Перформанс обозначается как «акт, который раскрывает властные случайные структуры через тело, и значит, и через дискурсивную практику» [17, р. 49]. Помимо этого, используется понятие перформативной практики, в основе которой лежит тело, становящееся своего рода перекрестком различного рода практик: дискурсивных, телесных и подрывных (направленных против условной нормы) [17, р. 48]. Тело и телесные нормы концептуализируются с опорой на понятие биовласти и дискурса в понимании М. Фуко (M. Foucault): «...дискурс может действовать как перформативная практика, он фактически воздействует на тело; он формирует тело через властные отношения, через нормы. Таким образом, и тело, и идентичность постоянно создаются посредством динамики власти, подкрепляемой гегемонистским знанием, то есть дискурсом о телесных нормах» [17, р. 49]. Автор приходит к выводу, что тело «все меньше и меньше должно соответствовать капиталистической и индустриальной логике контроля и дисциплины, чтобы была возможность создать социально жизнеспособное государство в неолиберальном западном обществе» [17, р. 58]. Активизм полных людей определяется как активизм, направленный «на деконструкцию гегемонистского нормативного дискурса телесных норм» [17, р. 58], борющийся, с одной стороны, с дискурсом, с другой стороны, с репрезентацией как перформативной практикой.

Активизм и методология перформативности Джудит Батлер

В группе статей о перформативности активизма и борьбе с угнетением была выделена подтема работ, использующих методологию Джудит Батлер. В нее попали статьи, посвященные изучению городского активизма [18], нормокритического активизма в трудовой сфере [19] и индигенного активизма [20].

Статья турецких исследователей обращается к исследованию гражданских перформативных городских практик сопротивления реконструкции парка Гези в Стамбуле [18]. Методологией выступило понимание перформативности в версии Джудит Батлер, развитое в работах Джиллиан Роуз (G. Rose) и Ники Грегсон (N. Gregson) [21], трактующих перформативность как набор «практик, которые создают и ниспровергают дискурс и знания и которые в то же время позволяют дисциплинировать субъектов и их действия» [18, р. 433]. Перформативность в их версии — преобразование реальности через сопротивление власти. Основная смысловая интенция статьи заключается в трактовке практик сопротивления изменению городского пространства как перформативных, то есть настроенных на сопротивление принятым властью решениям. В тексте делается акцент на ситуативности

возникновения и творческом аспекте этих практик посредством интерпретации трех кейсов городского сопротивления: «Сопrotивляющееся пианино», «Стойащий человек» и «Стол на земле» [18, р. 3]. Все кейсы и их интерпретация так или иначе связаны с овладением городским пространством, которое опредмечивается деятельностью активистов и формирует ситуативную практику сопротивления. К примеру, кейс «сопротивляющегося пианино» демонстрирует, как концерт пианиста под открытым небом стал мощным символом транснациональной солидарности, возникшей вокруг парка Гези. «Сопrotивляющееся пианино» выступило придуманным и разрушившим доминирующий символический порядок трансгрессивным перформативным действием, благодаря которому активисты отстаивают свое право на город [18, р. 3].

Статья исследователей из Дании посвящена изучению перформативного потенциала нормокритических активистов, реполитизирующих трудовые отношения ради борьбы с угнетением на примере кейсов из различных сфер трудовой деятельности [19]. В этой работе методология Джудит Батлер позволяет исследовать, «как активистские практики становятся перформативными посредством дискурсивных действий» [19, р. 468]. Основное внимание концентрируется на возникающих в момент коммуникативного и дискурсивного напряжения нормокритических ситуациях: «Во-первых, коммуникация возникает в ответ на (воспринимаемые) политические и материальные потребности. Во-вторых, коммуникация использует материальный мир в качестве своего материала. Таким образом, дискурсивные образования вписаны в тело и выполняются в конкретных практиках; как таковые, дискурс и коммуникация порождают способы быть в мире, видеть, чувствовать и действовать в нем. В-третьих, <...> дискурс и коммуникация могут в буквальном смысле создавать прочные институциональные и экономические механизмы» [19, р. 471]. Исследование начинается с изучения потребностей самих активистов, затем осуществляется переход к описанию дискурсивного напряжения, возникающего в коммуникативных практиках и материальном пространстве, и далее исследователи обращаются к перформативным усилиям активистов по дестабилизации норм, консервирующих различия между людьми [19, р. 471]. В качестве выводов постулируется тезис, что для реполитизации трудовых норм необходимо нормализовать возможность критики существующих и доминирующих организационных норм, а для реализации нормокритического потенциала в рабочем пространстве средства разговора (риторические техники) должны стать мультимодальными.

Исследователь из Перу, изучая перформативность активизма коренных народов Анд в борьбе за политическую субъектность и индигенность, также использует методологическую установку Джудит Батлер [20]. Он ретроспективно и на большом материале, обращаясь к перформативности расы и этнической принадлежности, а также к перформативности праздников коренных жителей и исполнению культуры во время протестных акций коренного населения, демонстрирует перформативность борьбы коренного населения с угнетающими нормами. Анализируется, как при помощи перформирующих нормы практик коренные народы перешли из статуса угнетаемых к политической и культурной субъектности. Концепция перформативности в версии Джудит Батлер используется для изучения процесса конструирования субъектности посредством повторяемых норм и практик. Однако, в отличие от предыдущих исследований, в методологическую установку Батлер

инкорпорируется акцент на исполнение культуры в активистской перформативной деятельности коренного населения, что, в свою очередь, позволяет проследить перформативную борьбу коренных этносов за политическую субъектность без отрыва от значимого культурного контекста [20, p. 809].

Перформативность цифрового активизма

Тема представлена тремя публикациями, посвященными перформативности цифрового феминизма во Франции [22], перформативным феминистским онлайн-практикам [23] и анализу хештегов в качестве перформативной практики [24].

Работа, посвященная исследованию современных форм цифрового феминизма во Франции, выделяет перформативный феминизм как часть современного цифрового феминизма [22, p. 141–148]. В работе описывается технокультурное производство цифрового контента, посредством которого феминистки привлекают онлайн- и офлайн-аудитории, реализуют мероприятия и кампании, а также создают практики, выражающие переплетение онлайн- и офлайн-активизма. Все перечисленные виды деятельности трактуются как дискурсивные акции прямого действия. Только по этому выводу мы можем судить о перформативности современного цифрового феминизма в трактовке автора, который оставляет за скобками вопрос методологической концептуализации перформативности цифрового активизма.

В статье, анализирующей перформативные феминистские онлайн-практики на примере движения #MeToo в Twitter (ныне социальная сеть X) [23], рассматривается использование в феминистской деятельности хештегов как особого типа перформанса, при помощи которого активисты по своему желанию могут активировать свое участие в социальных движениях, а при необходимости — исчезать из поля зрения аудитории. Методологический аспект статьи раскрывается через тезис теоретика перформанса Ричарда Шехнера, гласящий, что между театром и жизнью различия несущественны и в основном заключаются в том, насколько актеры являются сознательными [23]. Онлайн-площадка Twitter интерпретируется как место исполнения перформанса, участие в котором активируется использованием хештега #metoo. Посредством него женщины маркируют ситуации угнетения, которыми они делятся в Твиттере, что, в свою очередь, по мнению автора, повышает осознанность феминистической идентичности. Сам хештег активирует вполне конкретную аудиторию и группы лиц, принимающих участие в перформансе. Хештег создает маркер, использование которого маркирует рассказывающего историю как активиста.

В похожем ключе реализуется исследование, посвященное событиям, сопряженным с убийством Джорджа Флойда и использованием хештега #BlackLivesMatter в медийном пространстве Twitter [24]. Использование данного хештега трактуется исследователем как практика, активирующая перформативное активистское союзничество. Однако в отличие от предыдущего исследования, акцент делается на качестве таких союзов, включая в анализ использование хештега влиятельными лицами различных этносов, а также на девальвации его активистского потенциала и возможности мобилизовать и привлечь новую аудиторию в активистское пространство, артикулированное самим хештегом.

Теоретизирование о перформативности активизма

Теоретизированию о перформативности активизма посвящены четыре из отобранных работ. Статья О. Е. Столяровой из перспективы научно-технологической социологии (Sciens and Technology Studies; STS) обрисовывает общие теоретические контуры перформативного поворота, стирающего концептуальные границы между этосом науки и научным активизмом [25]. Основным теоретическим аргументом выступило концептуальное различие «перформативной идиомы» и «репрезентативной идиомы», предложенное Эндрю Пикерингом (A. Pickering) [26]: если репрезентативная идиома основывалась на предположении, что наука отражает реальность, то перформативная идиома концептуализирует науку как «поле сил, способностей и действий <...> материальных акторов» [25, с. 45]. При таком подходе перформативная концепция науки снимает жесткую границу между знанием и действием, наукой и ценностями, что позволяет относительно непротиворечиво объединить научный активизм и научный этос на уровне теоретических рассуждений. Что же касается практики, то «научный активизм и научный этос образуют вполне реальные фигуры взаимодействия» [25, с. 46].

Рассуждая об интеллектуальном активизме, автор следующей статьи находит его основания в теоретических ресурсах теории перформативности, в частности в концепции критической перформативности. Критическая перформативность определяется как «активное и подрывное вмешательство в управленческие дискурсы и практики» [27, р. 738], которое способно выйти за рамки самореферентных, строго интеллектуальных дискуссий, для того чтобы изменить мир. Указывается, что сам термин «перформативность» сигнализирует «о сдвиге в понимании знания, указывая на то, что одна из его особенностей, производство знаний, является не только репрезентативной, но и перформативной (то есть ко-конститутивной для реальности, о которой идет речь)» и сам термин «перформативность» относится к идее, «что производство знаний является “дифракционным”, а именно порождает модели различий там, где оно буквально “имеет значение” (то есть производство знаний, в самом широком смысле, участвует в создании понятных конкретных реалий)» [27, р. 738–739]. Осуществляя переход от теории перформативности к критической перформативности, а от нее — к интеллектуальному активизму, автор заключает, что, если концептуализация социального активизма через призму перформативности предполагает некоторые последствия, главным из которых является «онтологическое следствие перформативности», заключающееся в том, что мы всегда участвуем в онтологическом воспроизведении мира и его материи. «Серьезное отношение к перформативности ставит конкретные вопросы к нашей субъективности, поскольку, будучи учеными, мы всегда уже погружены в практику, где знание (его производство и распространение) имеет первостепенное значение. Эти вопросы являются этико-политическими, потому что они призывают нас занять позицию относительно того, какими субъектами мы являемся и какого мира мы хотим» [27, р. 739]. Такое восприятие перформативности имеет определенные черты сходства с концепцией «онтологической политики» Джона Ло (J. Law) [28]. Соответственно, заниматься критической перформативностью «означает занять определенную позицию по отношению к этико-политическим вопросам» [27, р. 739]. Переход от критической перформативности к интеллектуальному

активизму осуществляется в процессе работы по осмыслению онтологических вопросов и поиску ответов на них. Интеллектуальный активизм определяется как «конкретный тип критической перформативности, когда мы отвечаем на этико-политические вопросы и требования теми способами, которые вписаны в историю движений и политики за социальную, экономическую и эпистемическую справедливость и которые принимают на себя их следы и память» [27, р. 741]. Можно сказать, что автор рассматриваемой статьи работает в русле создания перформативной теории активизма, осуществляя поиск и концептуализацию теоретических оснований активизма в академической среде.

Исследователь из Нидерландов Озан Алакавуклар (O. Alakavuklar) делится своим опытом прохождения исследовательской практики в магазине бесплатных продуктов и предлагает концептуализацию активистской деятельности для ученых, приходящих «в поле», чтобы критически осмыслить некоторую социальную проблему через анализ деятельности профильных активистов [29]. На основе понятия перформативности, основная интенция которого сконцентрирована на преобразующем действии, автор предлагает концепцию активистской перформативности как некоторой синергии между научной деятельностью, социальным активизмом и обучением, с надеждой на преодоление отчуждающей критической исследовательской практики ученых через наведение мостов между указанными сферами деятельности. «Наведение мостов, или “соединение областей” рассматривается как критическое обучение, форма “активистской перформативности” и модальности академического активиста, создающей возможность реализации преобразовательного потенциала критической практики во множестве областей» [29, р. 11]. Активистскую перформативность автор определяет как «академическую практику, направленную на изменение университета (и общества) изнутри и снаружи, через стирание границы между практикой, исследованием и преподаванием, а также на привлечение внимания исследователей к широким социальным и структурным проблемам» [29, р. 7–8].

Активистская перформативность манифестируется посредством трех основных положений:

1) она построена на концептуализации критической практики, объединяющей функции исследовательской академической деятельности, критически осмысляющей действительность, преподавания и активизма, располагающегося в лакунах социальных проблем;

2) целенаправленно обращается к активистским сообществам / массовым организациям как к близким союзникам для создания перформативного эффекта в различных областях;

3) призывает к участию в повседневной практике как к источнику индивидуальной и коллективной трансформации [29, р. 7].

По мнению автора, концептуализация перформативного активизма и метафора наведения мостов может служить цели изменить ситуацию в обществе и в академической среде как части сопротивления вызовам неолиберального дискурса воздействия.

Работа Джона Флетчера (J. Fletcher) является фундаментальным исследованием, посвященным изучению современного евангелизма, в котором подробно рассматривается такое явление, как перформанс-активизм [30, р. 15–46]. Флетчер не рассматривает проект по изучению современного евангелизма только как вклад в современную

социологию религии, но помещает свое исследование в более широкий современный контекст перформативных исследований активизма, определяя самого себя как активиста-исследователя, что подчеркивает перформативный характер его работы [30, р. 16]. Флетчер выдвигает тезис о том, что, «каким бы живым и разнообразным ни был разговор об активистской деятельности, дискурс в значительной степени остается основанным на определенном (лево-прогрессивном) наборе идеологических предположений о правильном направлении социальных изменений» [30, р. 16], что, в свою очередь, вытаскивает из предметного поля современных активистских исследований (да и вообще дискурса) различные не-левые позиции, например активизм консервативных евангелистов. Такую замкнутость современного предметного поля активистских исследований на себе самом Флетчер трактует как серьезную проблему, порождающую критический солипсизм и повсеместное превалирование в современных левых исследованиях «параноидальной позиции» [31] в науке, берущей за отправную точку уверенность в «больших, угнетающих системах, действующих за кулисами <...> Когда-то паранойя, бывшая единственным критическим вариантом среди многих, по мнению Седжвик, приобрела обязательный статус, навязывая своего рода параноидальный императив в науке. Быть критичным — значит практиковать сильную герменевтику подозрения паранойи; не быть параноиком значит быть некритически доверчивым» [30, р. 28]. Флетчер аккуратно критикует такую позицию, демонстрируя ее односторонность и замкнутость на самой себе, не позволяющую ей сказать ничего больше того, что уже найдено и высказано.

В методологическом аспекте изучения активизма Флетчер следует Ричарду Шехнеру (R. Schechner) [32], постулируя перформанс как «любой дискретный выразительный акт, направленный на благо и на пользу кого-то другого» [30, р. 17], что позволяет ему вслед за Шехнером вынести теорию перформанса из сугубо театрального контекста в предметное поле понимания перформанса как любого запланированного и разыгрываемого в соответствии с этим планом события. В качестве основных аналитических категорий перформанса Флетчер выделяет:

- 1) местоположение;
- 2) жанр (формат перформанса);
- 3) схему (имеется в виду сценарий);
- 4) аудитория;
- 5) исполнителей;
- 6) театральность («напоминает ли действие повседневную жизнь или четко обособлено? Используются ли театральные элементы, такие как свет, костюмы, декорации и реквизит, и если да, то с какой целью?») [30, р. 17].

Использование такой жесткой концептуализации аналитических категорий для анализа перформанса структурно напоминает аналитические доминанты в теории социального перформанса Джеффри Александера (J. Alexander) [33]. В другом определении перформансов Флетчер утверждает, что это «спектакли, которые <...> стремятся произвести определенные эффекты посредством инициируемых транзакций, а именно фундаментальное изменение мировоззренческих и жизненных взглядов их зрителей» [30, р. 17]. Флетчер не обходит стороной определение активистского перформанса, или перформанс-активизма, который понимается им как «особый тип перформанса, в котором предполагаемые дополнительные эффекты сознательно согласуются с продвижением более широких социальных или

политических программ. Эти программы могут воплощать в себе конкретные цели, например цели политической группы...» [30, р. 18]. В то же время современный перформанс-активизм представляет собой клубок разрозненных теорий, традиций, видений и дефиниций [31, р. 18]. Широкий круг относительно рабочих дефиниций не создает одной четкой теоретической традиции и делит их в зависимости от крыла левопрогрессивных теоретико-идеологических направлений. Работа Флетчера важна не только в силу детальной проработки методологического аппарата изучения перформативности активизма, но и потому, что она отрешивается от доминирующих левых течений изучения активистского перформанса и предлагает свое внятное определение перформанс-активизма.

Обсуждение

Теперь сделаем ряд общих выводов относительно особенностей использования ресурсов перформативности для концептуализации социального активизма.

Большинство найденных работ использует перформативный подход, направленный на поиск форм угнетения и борьбу с ними. Изучение форм угнетения, основанное на методологии Дж. Батлер, как правило концентрируется на тематике сопротивления угнетающему дискурсу. В то же время каждая из рассмотренных статей имеет свои методологические особенности и использует теоретические ресурсы концепции Батлер, трансформируя их под нужды своих исследований. Исследование гражданских перформативных городских практик акцентирует ситуативность и творческий аспект практик сопротивления решениям власти относительно городского пространства [18]. Исследование нормокритического активизма рассматривает перформативность активистских практик, которые становятся таковыми благодаря дискурсивным действиям, критикующим установленные в трудовой сфере нормы, что, в свою очередь, помогает бороться с дискурсом и практиками угнетения на работе [19]. Другое исследование использует понимание перформативности в версии Батлер, делая акцент на том, что субъектность конструируется и воспроизводится благодаря повторяемым нормам и практикам [20]. Такая методологическая установка сближает этот подход с теорией социального перформанса Джеффри Александера, акцентирующей культурные представления, реализованные в деятельности и сценариях действия [33].

Работы, посвященные перформативности цифрового активизма, концентрируются на понимании активистских онлайн-практик как деятельности, которая способна менять реальность [22], а также направлены на изучение цифровых площадок как сцен для реализации перформанса [23] и на более глубокое осмысление практики использования хештегов не только как очевидной перформативной практики, но и как средства циркуляции и распределения социального капитала, оказывающего влияние на социальные движения [23; 24].

Теоретические публикации о перформативности активизма затрагивают такие вопросы, как пересечение научной деятельности и активизма [25; 29], критической перформативности [27], предлагая концепцию соединения областей и активистской перформативности [29]. Данные работы нацелены на поиск теоретических оснований для того, чтобы сделать деятельность ученых перформативной, то есть способной трансформировать реальность через решение социальных проблем.

Публикации, посвященные теме перформативного активизма, пытаются осмыслить этот феномен и понять, почему термин «перформативный» стал негативным маркером безрезультативного и настроенного на получение влияния посредством социального одобрения активизма [8]. Вдобавок исследователи пытаются выяснить отношение общества к перформативному активизму как части современной цифровой системы [7]. Если рассмотренная нами работа автора из США трактует перформативный активизм как требования к поиску новых форм действенного активизма [8, р. 85], то нам представляется, что для изучения перформативного активизма можно использовать теоретические ресурсы теорий Бруно Латура (B. Latour) и Джефффри Александера. К примеру, в теории социального перформанса Александера обнаруживаются достаточные методологические обоснования того, почему какой-то перформанс считается как убедительный и, следовательно, успешный, а какой-то, напротив, предстает как неудачный. «Неудачные спектакли — это спектакли, в которых актер, будь то индивидуальный или коллективный, не смог собрать воедино элементы спектакля, чтобы они казались неразрывно связанными» [33, р. 31–32].

Только две работы весьма подробно останавливаются на описании методологии изучения перформативности, а также дают определения социального активизма через теории перформативности. Работа Ричарда Флетчера предлагает не только понятную аналитическую схему изучения активистских перформансов, но и определение перформанс-активизма. Флетчер критикует современное исследовательское поле перформативности активизма и указывает на то, что левопрогрессивная идеологическая теория фактически захватила его. При этом она не выстраивает гомогенной традиции, потому что данное теоретическое поле само по себе является сильно дифференцированным, а также замкнутым, на что Флетчер указывает в категориях Ив Коссовски Седжвик (E. K. Sedgwick) и маркирует как параноидальную и солипсическую позицию.

Заключение

Подводя общий итог, отметим, что благодаря проведенному обзору предметного поля перформативности активизма удалось, во-первых, выявить и описать парадокс концептуализации перформативного измерения социального активизма, размежевав закрепившееся медийное понимание перформативности активизма и его научные концептуализации. И, во-вторых, описать именно то, как современные социогуманитарные исследователи концептуализируют социальный активизм, опираясь на ресурсы существующих теорий перформативности. Медийная интерпретация перформативного активизма носит оценочный характер, маркируя этим словом такой активизм, который настроен лишь на репрезентацию активистской деятельности, а не на реальные действия. Социологическая же концептуализация перформативности активизма воспринимает любой его вид в качестве перформативного, ибо каждый активизм по-своему настроен на преобразование реальности. Медийное понимание перформативного активизма отстраивает свои концептуальные основания через оппозицию между словами и реальными действиями, а социологическое понимание получило развитие как раз в результате снятия этой оппозиции.

Подчеркнем, что рассмотренные исследования в основном работают в левом теоретико-идеологическом ключе. Большинство исследований сами по себе скорее занимают определенную идеологическую перформативную позицию, нежели исследуют феномен активизма в качестве самодостаточного явления. Исследовательское пространство изучения перформативности активизма в основном настроено на априорную трактовку активизма в качестве перформативного, не задаваясь вопросом о сущности этого явления, о способах, практиках и техниках преобразования активистами реальности.

Упомянутая в начале работы интенция перформативного поворота трактует реальность как процесс со-исполнения самыми разными актерами, а это, в свою очередь, предполагает, что теории перформативности способны демонстрировать, как актеры (материальные и нематериальные) участвуют в производстве новой реальности. В то же время проанализированные работы в основном фокусируются на смыслах, а в качестве материальных объектов рассматривают только человеческие тела, упуская из вида иной материальный мир, важность изучения которого акцентируется исследованиями науки и технологий (STS) [34, с. 179]. Игнорируется и многообразие прагматик, которыми руководствуются активисты в своей деятельности. В качестве основной прагматики им априори приписывается акцент на борьбе с угнетением. По нашему мнению, теории перформативности позволяют встать на более высокий уровень описания социального активизма и задаться вопросами: какую реальность формируют активисты? что может послужить более продуктивной методологической установкой, позволяющей не только исследовать фундаментальные проблемы современного активизма, но и в полной мере использовать методологический ресурс современных теорий перформативности? Это могло бы задать вектор дальнейших исследований темы перформативности активизма.

Литература

1. Доманска Э. Перформативный поворот в современном гуманитарном знании // Способы постижения прошлого. М.: Канон+, 2011. С. 226–235.
2. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
3. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом ВШЭ, 2014.
4. Батлер Д. Заметки к перформативной теории собрания. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
5. Мардарь И. Б. Трансформация социального активизма (на примере города Новочеркасска): дис. ... канд. социол. наук. М., 2009.
6. Shefer T. Activist performance and performative activism towards intersectional gender and sexual justice in contemporary South Africa // *International Sociology*. 2010. Vol. 34, no. 4. P. 418–434.
7. Mutiara A., Sidik C., Saumi D., Annisa F. N., Khairunnisa J. Fenomena Aktivisme Performatif di Era Digital The Phenomenon of Performative Activism in the Digital Era. URL: https://www.researchgate.net/publication/350340663_Fenomena_Aktivisme_Performatif_di_Era_Digital (дата обращения: 23.01.2024).
8. Thimsen A. F. What is performative activism? // *Philosophy & Rhetoric*. 2022. Vol. 55, no. 1. P. 83–89.
9. Cervi L., Marín-Lladó C. Freepalestine on TikTok: From performative activism to (meaningful) playful activism // *Journal of international and intercultural communication*. 2022. Vol. 15, no. 4. P. 414–434.
10. Ventzislavov R. Performative activism redeemed // *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 2023. Vol. 81. P. 131–140.
11. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Остин Дж. Избранное. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 13–135.
12. Кулакова Е. Н., Настаушева Т. Л., Кондратьева И. В. Систематическое обзорное исследование литературы по методологии scoring review: история, теория и практика // *Вопросы современной педиатрии*. 2021. Т. 20, № 3. С. 210–222.

13. Моисеев С. П., Мальцева Д. В. Отбор источников для систематического обзора литературы: сравнение экспертного и алгоритмического подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2018. № 47. С. 7–43.
14. O'Grady G. An autoethnographic performance: The researcher's story of hysterectomy and menopause as act of resistance and activism // International Review of Qualitative Research. 2021. Vol. 14, no. 3. P. 533–546.
15. Denzin N. K. Interpretive ethnography: Ethnographic practices for the 21st century. New York: Sage, 1997.
16. Делез Ж. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. М.: У-Фактория, 2007.
17. Ronti C. Fat activists' strategies on stage: Redefining fat identity. A comparison of Scottee, Brenda Oelbaum, and Sins Invalid // DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies. 2017. Vol. 4, no. 2. P. 47–60.
18. Ay D., Mirafitab F. Invented spaces of activism: Gezi Park and performative practices of citizenship // The Palgrave handbook of international development. London: Palgrave MacMillan, 2016. P. 555–574.
19. Plotnikof M., Muhr S., Holck L., Just S. N. Repoliticizing diversity work? Exploring the performative potentials of norm-critical activism // Gender, Work & Organization. 2022. Vol. 29, no. 2. P. 466–485.
20. Huarcaya S. Performativity, performance, and indigenous activism in Ecuador and the Andes // Comparative Studies in Society and History. 2015. Vol. 57, no. 3. P. 806–837.
21. Gregson N., Rose G. Taking Butler elsewhere: Performativities, spatialities and subjectivities // Environment and Planning D: Society and space. 2000. Vol. 18, no. 4. P. 33–452.
22. Jouët J. Digital feminism: Questioning the renewal of activism // Journal of Research in Gender Studies. 2018. Vol. 8. P. 133–157.
23. Gleeson J., Turner B. Online feminist activism as performative consciousness-raising: A #MeToo case study // # MeToo and the Politics of Social Change. Berlin: Springer, 2019. P. 53–69.
24. Wellman M. Black squares for Black lives? Performative allyship as credibility maintenance for social media influencers on Instagram* // Social Media+ Society. 2022. Vol. 8, no. 1. P. 1–10.
25. Столярова О. Е. Научный активизм и идея перформативности // Epistemology & Philosophy of Science. 2018. Т. 55, № 2. С. 42–48.
26. Pickering A. After representation: Science studies in the performative idiom // PSA: Proceedings of the biennial meeting of the Philosophy of Science Association. 1994. No. 2. P. 413–419.
27. Contu A. Answering the crisis with intellectual activism: Making a difference as business schools scholars // Human Relations. 2020. Vol. 73, no. 5. P. 737–757.
28. Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара, 2015.
29. Alakavuklar O. An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as 'activist performativity' // Management Learning. 2023. Vol. 55, no. 1. P. 1–16.
30. Fletcher J. Preaching to Convert: Evangelical Outreach and Performance Activism in a Secular Age. Michigan: University of Michigan Press, 2013.
31. Sedgwick E. Paranoid reading and reparative reading; or, You're so paranoid, you probably think this introduction is about you // Sedgwick E. (ed.). Novel Gazing: Queer Readings in Fiction. Dares: Duke University Press, 1997. P. 3–37.
32. Шехнер П. Теория перформанса. М.: V-A-C Press, 2020.
33. Alexander J. C., Giesen B., Mast J. L. (eds). Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
34. Ткаченко К. В. Перформативность как теоретическая рамка изучения социального активизма // Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы: Материалы Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 16–18 ноября 2023 года. СПб.: Сциентиа, 2023. С. 177–180.

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.;
рекомендована к печати 28 апреля 2024 г.

Контактная информация:

Ткаченко Кирилл Владимирович — инженер-исследователь; kyrie.tkachenko@gmail.com

*Продукт компании Meta, деятельность которой признана экстремистской в Российской Федерации.

Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research*

K. V. Tkachenko

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Tkachenko K. V. Performative activism or performativity of activism: From conceptualization to research. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2024, vol. 17, issue 2, pp. 141–158. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2024.202> (In Russian)

If modern theories of performativity seek to provide an explanation of how reality is fulfilled (produced), taking into account meanings, people and various material objects in their consideration, then social activism is a phenomenon that well demonstrates the main intention of performativity — joint execution and transformation of reality (through solving social problems). To find out how social activism is studied with the help of performativity theories, we directed research attention inside this subject field, where a paradox was discovered in the semantic relationship between the definitions of performative activism and performativity of activism. If the term “performative activism” acquires its semantic content emphasizing the opposition between words (posts) and real actions to solve social problems, then the theories of performativity themselves were developed precisely on the basis of removing the opposition between words and actions. The discovered paradox of using the term “performativity” allowed us to formulate the problem of research as uncertainty about the features of conceptualization of the performative dimension of social activism. Therefore, the aim of the work was to review the literature aimed at clarifying how modern researchers conceptualize social activism, based on the resources of scientific theories of performativity, and not on the media understanding of this term. Based on the analysis of the selected articles ($N = 13$), the following topics were highlighted: the performativity of activism and the fight against oppression; activism and the methodology of performativity by Judith Butler; the performativity of digital activism; theorizing about the performativity of activism. It is concluded that these topics are characterized by the use of left-progressive theories, low attention to how exactly activists produce a new reality by solving social problems (researchers often attribute a priori positions to them), as well as weak use of empirical data, which opens up prospects for more rigorous sociological studies of the performativity of social activism.

Keywords: performative turn, performativity, social activism, health activism, Judith Butler, digital activism.

References

1. Domanska, E. Performative turn in the contemporary human and social sciences. In: *Sposoby postizheniia proshlogo* (pp. 226–235). Moscow, Kanon+ Publ., 2011. (In Russian)
2. Bahmann-Medik, D. *Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. (In Russian)
3. Latur B. *Reassembling the Social — An Introduction to Actor-Network-Theory*. Moscow, Publ. house of HSE, 2014. (In Russian)
4. Butler, J. *Notes on the Performative Theory of the Meeting*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. (In Russian)
5. Mardar, I. B. *Transformation of social activism (by example of Novocherkassk town)*: dissertation. Moscow, 2009. (In Russian)
6. Shefer, T. Activist performance and performative activism towards intersectional gender and sexual justice in contemporary South Africa. *International Sociology*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 418–434.

* The article was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00261.

7. Mutiara, A., Sidik, C., Saumi, D., Annisa, F.N., Khairunnisa, J. *Fenomena Aktivisme Performatif di Era Digital The Phenomenon of Performative Activism in the Digital Era*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/350340663_Fenomena_Aktivisme_Performatif_di_Era_Digital (accessed: 23.01.2024).
8. Thimsen, A. F. What is performative activism? *Philosophy & Rhetoric*, 2022, vol. 55, no. 1, pp. 83–89.
9. Cervi, L., Marín-Lladó, C. Freepalestine on TikTok: from performative activism to (meaningful) playful activism. *Journal of international and intercultural communication*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 414–434.
10. Ventzislavov, R. Performative activism redeemed. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*, 2023, vol. 81, pp. 131–140.
11. Ostin, J. How to perform actions using words. In: Ostin J. *Izbrannoe* (pp. 13–135). Moscow, Ideia-Press Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. (In Russian)
12. Kulakova, E., Nastausheva, T., Kondrat'eva, I. Systematic review research of literature concerning methodology of *scoping review*: History, theory and praxis. *Voprosy sovremennoi pediatrii*, 2021, vol. 20, no. 3, pp. 210–222. (In Russian)
13. Moiseev, S., Mal'ceva, D. Selection of origins for systematic review of literature: Expert and algorithmic approaches comparison. *Sotsiologiya: Metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*, 2018, no. 47, pp. 7–43. (In Russian)
14. O'Grady, G. An autoethnographic performance: The researcher's story of hysterectomy and menopause as act of resistance and activism. *International Review of Qualitative Research*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 533–546.
15. Denzin, N. *Interpretive ethnography: Ethnographic practices for the 21st century*. New York, Sage, 1997.
16. Deleuze, G. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Faktoriia Publ., 2007. (In Russian)
17. Ronti C. Fat activists' strategies on stage: Redefining fat identity. A comparison of Scottee, Brenda Oelbaum, and Sins Invalid. *DiGeSt. Journal of Diversity and Gender Studies*, 2017, vol. 4, no. 2, pp. 47–60.
18. Ay, D., Miraftab, F. Invented spaces of activism: Gezi Park and performative practices of citizenship. In: *The Palgrave handbook of international development* (pp. 555–574). London, Palgrave MacMillan, 2016.
19. Plotnikof, M., Muhr, S., Holck, L., Just, S.N. Repoliticizing diversity work? Exploring the performative potentials of norm-critical activism. *Gender, Work & Organization*, 2022, vol. 29, no. 2, pp. 466–485.
20. Huarcaya, S. Performativity, Performance, and Indigenous Activism in Ecuador and the Andes. *Comparative Studies in Society and History*, 2015, vol. 57, no. 3, pp. 806–837.
21. Gregson, N., Rose, G. Taking Butler elsewhere: Performativities, spatialities and subjectivities. *Environment and Planning D: Society and space*, 2000, vol. 18, no. 4, pp. 33–452.
22. Jouët, J. Digital feminism: Questioning the renewal of activism. *Journal of Research in Gender Studies*, 2018, vol. 8, pp. 133–157.
23. Gleeson, J., Turner, B. Online feminist activism as performative consciousness-raising: A #MeToo case study. *# MeToo and the politics of social change*. Berlin, Springer, 2019. Pp. 53–69.
24. Wellman, M. Black squares for Black lives? Performative allyship as credibility maintenance for social media influencers on Instagram*. *Social Media+ Society*, 2022, vol. 8, no. 1, pp. 1–10.
25. Stolyarova, O. Science activism and idea of performacy. *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, vol. 55, no. 2, pp. 42–48. (In Russian)
26. Pickering, A. After representation: science studies in the performative idiom. *PSA: Proceedings of the biennial meeting of the Philosophy of Science Association. Philosophy of Science Association*, 1994, no. 2, pp. 413–419.
27. Contu, A. Answering the crisis with intellectual activism: Making a difference as business schools scholars. *Human Relations*, 2020, vol. 73, no. 5, pp. 737–757.
28. Low, J. *After method: Mess in social science research*. Moscow, Institute of economic policy named by E. T. Gaidar Press, 2015. (In Russian)
29. Alakavuklar, O. An attempt to become an-Other critical scholar: Bridging as 'activist performativity'. *Management Learning*, 2023, vol. 55, no. 1, pp. 1–16.
30. Fletcher, J. *Preaching to Convert: Evangelical Outreach and Performance Activism in a Secular Age*. Michigan, University of Michigan Press, 2013.

* The product of the Meta company, whose activities are recognized as extremist in the Russian Federation.

31. Sedgwick E. Paranoid reading and reparative reading; or, You're so paranoid, you probably think this introduction is about you. In: Sedgwick E. (ed.). *Novel Gazing: Queer Readings in Fiction* (pp. 3–37). Durham: Duke University Press, 1997.

32. Schechner R. *Theory of performance*. Moscow, V-A-C Press, 2020. (In Russian)

33. Alexander, J.C., Giesen, B., Mast, J.L. (eds.). *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006.

34. Tkachenko K. Performativity as a theoretic framework of studying social activism. *Rossiiskoe obshchestvo segodnia: Tsennosti, instituty, protsessy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 16–18 noiabria 2023 goda* (pp. 177–180). St. Petersburg, Scientia Publ., 2023. (In Russian)

Received: February 2, 2024

Accepted: April 28, 2024

Author's information:

Kirill V. Tkachenko — Research Engineer; kyrie.tkachenko@gmail.com